

Лапша была только что с огня - из неё валил пар, а керамическая чашка так обжигала, что Лин Син не мог даже прикоснуться к ней руками. Вспомнив, как Шэнь Хуэй пронёс её голыми руками, он невольно поразился: вот это правда... закалка. Настоящая выносливость.

Подождав немного и подув на лапшу, он всё же начал есть. Но даже так она обжигала. Пришлось подержать во рту, осторожно повозить языком, прежде чем смог проглотить. Хотя он был душой из другого мира, но, слившись с этим телом, теперь чувствовал всё - любое прикосновение, тепло, голод, боль. А сейчас он был по-настоящему голоден, так что уже не мог ждать, пока еда остынет.

Лапша оказалась упругой, в ней чувствовался яркий аромат пшеницы. Бульон был самый простой, лишь немного соли для вкуса. Но для человека, не евшего как следует много дней, и это было настоящим пиршеством.

Лин Син громко всасывая, быстро расправился с лапшой, даже бульон выпил до последней капли. В животе, наконец, появилось ощущение сытости и тепла. Закончив есть, он снова юркнул под одеяло - если не укроется сейчас, точно замёрзнет. Особенно ноги. На нём были всего лишь дырявые соломенные сандалии, в такую стужу они не просто не грели, а наоборот, кололи ступни, причиняя боль.

К счастью, горячая лапша внутри хоть как-то его согрела. Когда в пальцах и ступнях начало возвращаться ощущение, в комнату вошла Сюй Юфан, мать семейства, а рядом с ней был худощавый юноша. У парня были яркие, живые черты лица, а в глазах дерзкий, бунтарский блеск. Несмотря на юность и худобу, он был очень красив: тонкие черты, чистые линии, взгляд с характером. На лбу у него была повязана серая лента, сзади в неё аккуратно был собран хвост.

Заметив Лин Сина, юноша уставился на него с нескрываемым интересом, не отводил взгляда, разглядывая в упор, а затем, приподняв бровь, спросил:

— Ты и есть моя невестка?

Лин Син сел в постели, и всего за пару секунд внутренне принял новое для себя обращение - невестка, так невестка.

— Угу. Ты Шэнь Лай?

— Ты меня знаешь? — с удивлением спросил тот.

— Твой старший брат рассказал мне о семье, — спокойно ответил Лин Син.

Эти слова удивили не только Шэнь Лая, но и Сюй Юфан - она подняла брови: никто не ожидал, что Шэнь Хуан станет с ним так откровенен. Все думали, что он просто проигнорирует Лин

Сина. Ведь когда в доме впервые заговорили о том, чтобы взять кого-то в супруги для брака чунси, именно Шэнь Хуань был категорически против. Раз ребёнок не согласен, старики решили отложить дело. Кто знал, что буквально на днях на глаза им попадётся беженец Лин Син, ничего не просящий взамен, только приюта, еды... и помощи в поисках младшего брата. Старики Шэнь в итоге не смогли устоять и решили всё-таки устроить свадьбу.

На самом деле в глубине души все в семье Шэнь понимали: вряд ли это что-то изменит. Но если не попробовать, потом всё равно будут жалеть. Вечно будут думать: а вдруг, если бы тогда решились на брак чунси, да пригласили кого, может, далану* и удалось бы выкарабкаться?

(ПП: далан - старший сын)

Даже если не выживет... по крайней мере, он успеет жениться. А когда окажется перед Королем Яма в загробном мире, уже не будет одиноким, покинутым человеком без рода и семьи.

Сюй Юфан всё больше убеждалась: её старшему сыну, похоже, и правда нравится этот скромный, тихий супруг, которого она выбрала. Иначе как объяснить, что он, будучи при смерти и почти не в силах говорить, всё же рассказал ему о семье, о каждом домочадце?

С этой мыслью в сердце Сюй Юфан почувствовала радость, а тёплое, материнское отношение к Лин Сину стало ещё глубже. Она надеялась: если Лин Син станет для её сына чем-то важным, если появится привязанность, тогда и желание жить будет крепче. А с ним, может, и надежда на чудо.

Но сейчас оба, и Лин Син, и Шэнь Хуан, были слишком слабы. Потому Сюй Юфан с Шэнь Лаем надолго не задержались, они вскоре ушли, оставив комнату в покое. Они толком и не поговорили.

Неизвестно, связано ли это с тем, что душе нужно время и энергия, чтобы слиться с телом, но на следующий день Лин Син проспал практически целые сутки. За это время Шэнь Лай несколько раз приходил и проверял, дышит ли он. Убедившись, что дыхание есть, семья Шэнь наконец немного успокоилась.

Вечером Лин Сина разбудил Шэнь Хуан - снова на ужин была лапша. На этот раз Лин Син чувствовал такую тяжесть в голове, что даже не встал и ел прямо лёжа, сидя на краю постели. Поев, он снова погрузился в глубокий сон.

На третий день, в самый разгар сна, Лин Син вдруг будто что-то почувствовал и резко открыл глаза. Повернув голову, он увидел, как Шэнь Хуань смотрит на него и... улыбается. Лицо его было румяным, ярким, в глазах стоял живой свет.

— Я взял тебя в фуланы, но не могу исполнить обязанностей мужа. Это несправедливо по отношению к тебе. Не держи меня в сердце. Если встретишь того, кого по-настоящему

полюбишь, иди за своей судьбой.

Шэнь Хуан, сказав это, вложил что-то в руку Лин Сина - маленький узелок со следами живого тепла, а затем, облокотившись на изголовье, медленно закрыл глаза.

Лин Син тут же в панике рванулся вперед, сам не зная, откуда взялись силы - тело ещё было вялым, голова тяжёлой, но он стремительно поднялся, почти вслепую проверяя дыхание Шэнь Хуана. В этот самый момент дверной полог откинулся - вошла Сюй Юфан с чашей лекарств. Увидев картину на кровати, она мгновенно застыла, а через секунду её глаза наполнились слезами.

— Сынок! — срывающимся голосом вскрикнула она.

За окном вновь зазвучала суона.

Три дня назад весёлые свадебные мелодии, три дня спустя - печальная погребальная музыка. Стояли сильные морозы, земля промёрзла до состояния камня, копать могилу было делом небыстрым и изнурительным. К счастью, в семье был Шэнь Хуэй - с его силой, упорством и молчаливым трудом он за несколько дней сумел закончить всё вовремя. К моменту похорон могила была готова.

Лин Син, узнав о смерти Шэнь Хуана, просто отключился - сознание потухло, тело обмякло. Глаза не открывались, но слух работал: он слышал всё происходящее вокруг. Он понимал - это последний этап слияния с телом. Но для окружающих это было неизвестно. Все думали, что он так безутешно переживает смерть Шэнь Хуана, что попросту не может прийти в себя от горя.

Семья Шэнь хорошо знала о состоянии Шэнь Хуана. Они давно были готовы к тому, что этот день рано или поздно настанет. Они сделали всё, что могли, но если Небо всё равно решило забрать его, то что ж... остаётся лишь принять. Принять и пережить.

Но они точно знали одно: с Лин Сином больше ничего не должно случиться. В предсмертном письме Шэнь Хуан просил родителей и родных заботиться о Лин Сине, быть с ним добрыми, не бросать.

Пока семья Шэнь хлопотала с похоронами, они при этом не могли не думать о Лин Сине - о его теле, о его здоровье. Собрали последние медяки и пригласили знахаря из соседней деревни - деревенского доктора без диплома, но с руками и опытом. Тот толком ничего не смог сказать. Только вздохнул и объявил, что это от сильного душевного потрясения, нужно беречь, отпаивать, ухаживать. Выписал горькое лекарство за цену, что стоила семье последней медной монеты.

С тех пор каждый день Лин Сину заливали в рот горькие отвары. Кто бы ни сидел у постели, всегда одно и то же: вздохи, шепот, умоляющие слова - "проснись, очнись, не пугай нас..."

Он и сам хотел бы открыть глаза... но не мог.

Неизвестно, сколько раз одно и то же лекарство перекипятили, но под конец от него почти не осталось ни вкуса, ни запаха. Лин Син с облегчением подумал, что его язык наконец спасён.

На следующий день после похорон Шэнь Хуана Лин Син, наконец, очнулся. В комнате, кроме Сюй Юфан, сидело ещё несколько тётушек. Все они держали её за руку, каждая по-своему старалась утешить.

— Сюй-цзин, не принимай всё так близко к сердцу. Видно же, твоя старшая невестка правда к вашему далану привязался. Вот не выдержал удара и слёг.

— Точно-точно. Хоть и был это брак-чунси, но кто знает, как там на самом деле чувства складываются. Этот гер - человек с сердцем. Твой далан на небесах, глядишь, его теперь и бережёт.

— Всё верно. Ты ж сама говорила: далан перед смертью велел вам заботиться о его фулане. А если уж он сам так сказал, значит, и в самом деле не хотел, чтобы с ним что-то случилось. Уж поверь, с такими словами он и правда не даст парню погибнуть. Может, вот сейчас как раз проснётся.

Та самая тётушка, договорив, машинально бросила взгляд на кровать и вдруг заметила, что тот, кто до этого лежал без сознания, медленно открывает глаза. Она с хлопком ударила себя по бедру и радостно воскликнула:

— Ай! Далан с небес откликнулся! Его фулан проснулся!

В этот момент Лин Син действительно почувствовал, как его душа полностью слилась с телом - никакой отрешённости, никакой тяжести. Он по-настоящему вернулся к жизни.

Семью Шэнь сразу отпустило. Облако тревоги, висевшее над домом со дня похорон, начало понемногу рассеиваться. Сюй Юфан провожала тётушек до двери, а потом тут же отправилась на кухню готовить еду для Лин Сина.

Снова были лапша и бульон. Лин Син проглотил три чашки подряд и только тогда почувствовал, что пришёл в себя.

— Болит ли ещё что? — спросила Сюй Юфан с тревогой, забирая пустую посуду из его рук.

Лин Син покачал головой:

— Нет, уже всё хорошо. Простите, что заставил маму волноваться.

Слова «мама» он произнёс совершенно спокойно, без внутреннего сопротивления. Он действительно вошёл в дом семьи Шэнь, стал её частью и теперь ему здесь жить. Называть как-то иначе было бы странно и неуместно.

Неужели из-за одного-единственного обращения стоит портить себе жизнь? — подумал Лин Син. Нет, определённо нет.

Сюй Юфан, услышав, что ему уже лучше, с облегчением вздохнула. А после того, как Лин Син спокойно назвал её «мамой», сердце её наполнилось радостью. Это значило, что этот гер, по крайней мере сейчас, намерен остаться в семье Шэнь, будет хранить память о ее старшем сыне, останется вдовой при его доме.

А это утешение. Ведь иначе её сыну было бы уж слишком горько: не успел отойти в иной мир, а супруг уже стал частью другой семьи.

— Всё, что далан хотел тебе передать, я положила под подушку, — мягко сказала она напоследок.

Сказав это, Сюй Юфан вышла из комнаты.

При тусклом свете свечи Лин Син протянул руку и вытащил из-под подушки несколько вещей. Тщательно отполированный и вырезанный из дерева браслет, слегка потёртая лента из парчи, и полая серебряная шпилька для волос.

Шпилька была лёгкой, почти невесомой, скорее всего, снаружи она лишь покрыта тонким слоем серебра. Стоила она немного, почти ничего. Но это было всё, что Шэнь Хуан смог оставить Лин Сину - самое лучшее из того малого, что у него было.

Когда Лин Син лежал без сознания, он слышал, как кто-то из семьи Шэнь упоминал завещание Шэнь Хуана. В нём не было ничего ценного, только глубокое чувство вины перед родными и просьба беречь его фулана.

«Какой же он был добрый и мягкий человек...» — подумал Лин Син, бережно убирая подаренные вещи. На сердце у него повисла лёгкая печаль.

Если бы Шэнь Хуан был здоров... — наверняка это был бы тот самый человек, про которого говорят «тёплый, как нефрит».

Поздней ночью Лин Сина разбудил чей-то плач с улицы. Он шевельнулся и с удивлением заметил, что на нём лежит тот самый большой меховой полушубок, которым раньше укрывали Шэнь Хуана. Когда его успели положить?.. Наверное, кто-то из семьи, увидев, что он заснул, а в комнате нет жаровни, тихонько зашёл и накрыл его, чтобы не замёрз.

Ночью было по-настоящему холодно, и Лин Син даже не подумал о том, что полушубок прежде накрывал мёртвого. Сейчас главное не замёрзнуть. Он плотно завернулся в тяжёлую тёплую одежду, обмотал себя до самого подбородка и, ориентируясь на всхлипы и приглушённые голоса, медленно направился к выходу из комнаты.

Добравшись до дверного порога, он замер. Снаружи доносился приглушённый разговор.

— Мама... мне голодно, — с надрывом проговорил Шэнь Лай, сдерживая всхлипы, голос его дрожал.

Сюй Юфан тяжело вздохнула:

— Мама сейчас вскипятит тебе воды...

— Я не хочу воду, я хочу лапшу... ууу... я хочу лапшу! — Шэнь Лай смахивал слёзы, всхлипывая так, будто сердце у него разрывалось. — Мама, ты сама говорила, что муку хранишь, чтобы на мой день рождения сварить лапшу долголетия. А я сегодня пошёл посмотреть... в банке ничего не осталось!

Сюй Юфан, услышав слова сына, почувствовала, как у неё сжалось сердце. Словно кто-то зажал его в кулак. Этот ребёнок был не таким, как старшие братья и сестра - те хоть немного, но успели пожить в достатке. А вот Шэнь Лай с самого рождения жил в Сяо Лю, в то время, когда семья уже бедствовала, считала каждую медяшку, деля её на части. Единственное, что они могли позволить себе для него, это раз в год, в день рождения, сварить ему чашку лапши долголетия из самой тонкой, самой белой, тщательно просеянной муки.

Но этот год особенный. Фулан их старшего сына едва не отправился в мир мёртвых, уже стоял у Призрачных врат, и только-только очнулся. Разве можно было кормить его похлёбкой с отрубями? Эта еда не только царапает горло и плохо глотается, но и вредна для слабого организма. Человеку с подорванным здоровьем такое есть нельзя. А из всего, что в доме могло бы хоть немного восстановить силы, пригодна была только та самая мука, отложенная для Шэнь Лая.

Сюй Юфан тоже боялась, что, если супруг ее далана, только встав на ноги, последует за её сыном? В доме не было ни сушёного мяса, ни куриного бульона, ни лекарств, лишь эта мука могла хоть как-то поддержать здоровье. Как она могла не взять её?

В конце концов, ведь это они, семья Шэнь, позвали человека для брака-чунси. Нельзя же теперь, приняв его в дом, оставить его умирать без помощи.

— Когда весна придёт, мама возьмёт побольше вышивок на заказ, — Сюй Юфан ласково погладила сына по голове. — Тогда купим тебе мальтозной тянучки, ладно?

У неё не было способа превратить слёзы в муку. Всё, что оставалось - это попытаться договориться, найти слова, которые утешат.

Шэнь Лай, хоть и понимал, что мука пошла на восстановление здоровья старшей невестки, и вовсе не хотел устраивать скандал... но он был просто ребёнком. Слишком голодным ребенком. А когда голоден, мысли путаются, всё кажется обидным, всё давит, хочется и плакать, и есть, и чтобы кто-то пожалел.

Услышав про сладости весной, он сжался, с трудом проглотил слёзы, кивнул, поджав губы:

— Ладно... пусть... пусть будет так. Я просто... хочу конфету. Тогда ты больше не можешь мне лгать, — потребовал он с уязвленной серьёзностью. — Обещай.

— Клянусь Небом, — Сюй Юфан подняла руку, будто перед самым небесным судом. — Не обману.

Лин Син, стоявший за дверным пологом, услышал всё. На сердце стало неудобно. Он ведь только что съел... три чашки той самой лапши. Слова за дверью били по сердцу, в груди поднималось чувство стеснения. Всё, что было отложено ко дню рождения ребёнка... съел он.

Но плач не утих. И вдруг, едва слышно, как шёпот, прозвучало:

— Мама... я скучаю по старшему брату...

Всего одно короткое предложение, и Сюй Юфан уже не могла сдержать слёз. Молча, беззвучно, они катились по её щекам.

<http://bllate.org/book/13938/1228799>